

СЕКТОР ГЛАЗА

ВЫГНУТЬ ПРОСТРАНСТВО, ЧТОБЫ ЗАГЛЯНУТЬ В ЛИЦО

Лабас А. Северный Кавказ. Мужской портрет. 1992

Отдел личных коллекций Музея изобразительных искусств им. Пушкина представляет выставку живописи и графики Александра Лабаса, приуроченную к столетию со дня рождения художника

1942 год. Акварель Лабаса — «Раненого несут». Деревья по сторонам длинной аллеи написаны так, как будто человек смотрит на них, лежа на носилках, снизу вверх. Госпиталь из красного кирпича, маленькие фигурки людей у входа мы видим глазами санитаров, несущих раненого. Но ни санитаров, ни раненого на листе нет. Это лишь проекция их взглядов, от нас — вглубь. Смещение планов, «кинематографический монтаж» позволяют разом почувствовать движение носилок, тепло обжигого дворика перед домом, колодец неба за летящими над головой древесными кронами... В промытом воздухе акварели, влажной глубине ее красок мир внезапно открывается заново — ты жив, ты вновь соединен с этой красотой, а потому уже спасен. Здесь есть, конечно, авторский комментарий, художник примеряет сквозную панораму листвы на себя. В его личной системе знаков равнодущие опаснее боли, а неумение видеть — горьчайшая из потерь. В вольном переводе с языка изобразительного искусства это могло бы стать строчками испанского поэта Мигеля Эрнандеса:

...жалъ мне тех,
кто ни разу еще не лежал
пластом.
Навылет раненный жизнью.
Великолепно раненный.
Блаженствующий притом.

Александр Лабас, безусловно, обладал радостным зрением. Тем более ценным, что его творческая биография складывалась драматично. Широко известный на родине уже в конце 20-х годов, участвующий в крупнейших международных выставках в Венеции, Питсбурге, Лабас в начале 30-х годов попадает под жесткий пресс идеологической дрессуры. Его художественная манера никак не втискивается в плакатно-оптимистический фасон советского костюма. В публичных разносах «формалистов» имени Древина, Тышлера, Лабаса присутствуют неизменно, как сакральное заклинание. У Лабаса нет заработка, нет зрителя. «Я каким-то чудом делал свое дело», — записывает он в дневнике.

— Просто как человеку нужно пить, когда его мучает жаждка, так мне было необходимо рисовать». В сущности речь идет о сражении, в котором людям свойственно ожесточаться. Но волтова дуга света в работах Лабаса не гаснет.

Он увлечен тайной, задающей XX веку его ритм и пульс. Это не механические фрагменты или иллюзия движения на картинах футуристов. Лабас хочет передать в живописи сам образ движения. Гераклитов поток материи.

Энергию машины, одухотворенную создавшим ее человеком, их совокупную силу, позволяющую мчаться по суше и морю, лететь в воздухе, парить в невесомости, вращаться вместе с Землей в космическом пространстве. Лабас пишет аэростаты и дирижабли, вращающиеся пропеллеры, напряженно вибрирующие кабины самолетов. Обтекаемые воздухом болиды поездов, похожие на кометы. Опускающиеся парашюты, соединяющие небо с землей. Стремительный бег морских катеров, сшибающий линию горизонта с кромкой прибоя. Так у художника появляется настойчивая тема целокупного пространства, которое не разделяет. Эскалатор в метро у Лабаса не транспортирует людей из одного места в другое. Это фрагмент бесконечной ленты жизни, какой-то фантастический перпетуум-мобайл разумной материи, который связывает надземный и подземный уровни, перемешивает все слои, как гигантский миксер, включая их в единий поток праздничного неостановимого движения.

Мир Лабаса гудит скоростями, он наполнен ими под завязку. Самолет или катер врываются в пространство, рассекая воздух. Часто мы только слышим, чувствуем его приближение. По особой вибрации, наэлектризованному, упругому полю ожидания, которое создает этот еле видимый, напряженно мчащийся нам навстречу объект.

Пространство — время — скорость (энергия). Триада Лабаса как художественный эквивалент эйнштейновской формулы $E = mc^2$ выражает эпоху исключительно точно. А следом опять в дневнике запись: «Иногда мне кажется, что мир человеческих знаний и представлений как бы висит над нашей планетой параллельно с атмосферой, с космическими лучами, гравитацией, и хотя мы его не видим, он так же реален, как мир видимый и осозаемый». Это уже прямо перекликается с мыслью Вернадского о носфере. Но Лабас слишком художник, чтобы опираться на голые умозрительные конструкции. Он трансформирует их в контексте. Тайные пружины, шестеренки, машинерия скрыты, обвязы божественной плотью — теплой, пульсирующей, живой.

Невидимый мир, о котором говорит Лабас, отчетливо присутствует в его акварелях. Он может таиться везде, поэтому для художника нет банных сюжетов и скучных деталей. Цветовая перспектива незнакомой улички, мокрая платформа пригородной электрички, пассажиры трамвая № 5, летящие мимо в своей прозрачной капсуле, обычный лист крапивы. У Лабаса все полно смысла и как-то связано между собой. Отсюда свежесть его взгляда с оттенком восхищения. Ведь даже вибрирующее динамическим напряжением время и монументальное, космическое простран-

**А. Лабас.
«Северный Кавказ».
Мужской портрет**

ство в работах художника выгнуты прежде всего за тем, чтобы заглянуть в лицо человеку.

● Елена ПЕГОВА

● Р.С. Александр Лабас — фантастер. В поздних его работах появляются жители далеких галактик. А чувство невесомости художник сумел передать задолго до того, как человек испытал его на себе.